

что пути молодого Захарии оказываются путями активных караимских связей.

Другой из «начальников» русских еретиков, влиятельный московский дьяк Федор Курицын, стал горячим приверженцем ереси после четырех-летнего (1482—1486 гг.) пребывания на Балканах и на Ближнем Востоке. Стоит ли говорить, что он имел там возможности познакомиться едва ли не со всеми толками караимов. Показательны утверждения философской части его «Лаодикийского послания».¹²⁸ «Душа самовластна, заграда ей веры». Душа свободна в своем выборе или отвержении «заградительной» веры. Упор на свободу воли, как мы помним,¹²⁹ был характерен для саддукеев. «Вера ставится пророк наказанием» (варианты: «Вера наказание ставится пророком»; «Веры наказание ставится пророком»). Устанавливает веру пророк (или пророки); значит, не сын божий. Это главное, и это вполне по-караимски. Кроме этого, здесь говорится, что пророку свойственно чудотворение и мудрость; сила мудрости — в жизни по-фарисейски,¹³⁰ этому и учит пророк; рождающийся от его науки страх божий — начало добродетели, «сим съоружается (вар. вооружается) душа».

«Жидовское мудрствование» Федора Курицына не было, кажется, вдохновенно-мистическим; здесь скорее чувствуется приземленная рассудочность, свойственная караимской и отчасти раввинистической экзегетике той эпохи.¹³¹

Иосиф Волоцкий сообщает, что один из виднейших московских еретиков, митрополит Зосима (1490—1494 гг.), высказывал неверие в пакибытие: «А что то царство небесное? А что то второе пришествие? А что то въскресение мертвым? Ничего того несть. Умерл кто ин, то умер, — по та места и был».¹³² Это заставляет вспомнить русских стригильников, солунских «хиониев», не веровавших в воскресенье тел, караимов-ананитов, допускавших метампсихоз (и, стало быть, тоже отрицавших воскресенье тел) и, наконец, саддукеев.

Саддукеи вспомнились и Иосифу Волоцкому, хорошо знакомому, конечно, с евангельскими текстами; и он к определению ереси, которое сделал его предшественник, новгородский архиепископ Геннадий («иудейство смешано с месалианскою ересью» и с «маркианскою» ересью),¹³³ добавил саддукейство, «саддукейскую ересь».

¹²⁸ См.: Источники, стр. 265, 272.

¹²⁹ См. выше, стр. 346.

¹³⁰ В иудайской среде фарисеи («отделившиеся») славилась своей особо благочестивой жизнью; фарисейство не могло там быть синонимом лицемерия, как у христиан.

¹³¹ См.: С. Ц и н б е р г. Авраам Крымский..., стр. 98.

¹³² Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 161; Просветитель, стр. 44.

¹³³ Источники, стр. 316. Геннадий не оставляет никаких сомнений относительно того, что он имел в виду, говоря о «месалианстве» еретиков: во-первых, что, наружно отрекаясь от своих взглядов, они фальшиво проклинают «вся тако мудрствующаа или мудрствовавших» и, во-вторых, что попы-еретики недостойно, без веры в таинства, служат в церкви: «А что кланутся они без страха, а то в 19-й главе тех же ересей месалианских явлено. А что недостойно служат божественную литургию, а то явлено в 12-й главе тех же ересей». Источником сведений Геннадия о «месалианах» должно было быть (непосредственно или как-то опосредованно) сочинение Иоанна Дамаскина «О ересях», своего рода каталог ересей, где среди написанного о месалианах («молящихся», придававших значение лишь индивидуальной молитве и пренебрегавших церковью) находим: «Они не удалялись от церковного общения, утверждая, что божественная пища, о которой Христос говорит: „Ядый мою плоть и пийй мою кровь жив будет во веки“ (Иоани, гл. 6, ст. 54), не вредит и не приносит пользы. Стараясь скрывать свою болезнь, они и после обличения бесстыдно отрицаются и отказываются от тех, которые думают то же, что и они носят в своих душах» (Полное собрание творений Иоанна Дамаскина, т. I. СПб., 1913, стр. 138). Что касается «маркианския» ереси, то у Иоанна Дамаскина о маркионитах сказано, что они отвергают воскресение плоти (стр. 129). Так что здесь у Геннадия — то же основание, на котором Иосиф